

лам в отношении верующих – отдельные верующие и даже тайные православные общины существуют на протяжении практически всего советского периода.

Только с конца 1980 гг. возрождается активное миссионерство на Камчатке, связанное с новой христианизацией населения, прошедшего опыт атеистического государства. Упорядочивание этого процесса начинается с 1999 г., когда местный епархиальный совет решает вопрос «окормления общин, не имеющих настоятеля», добавляя к обязанностям городских священников ежемесячное посещение сельских общин полуострова. Хотя, судя по публикациям в местной печати, РПЦ уступает пока

в знании современных миссионерских доктрин и методов деятельности миссионером других христианских конфессий.

Вместе с тем процесс религиозного возрождения идет весьма неоднозначно и противоречиво, наряду с качественным изменением ситуации на Камчатке в сравнении с прошлым, можно говорить о продолжении действия ряда прежних условий, порождающих серьезные проблемы при распространении православия в наши дни и освещении этого процесса в научной литературе и средствах массовой информации. Но это тема отдельного исследования.

Литература

1. Обзор Камчатской области за 1912 год. Приложение к Всеподданнейшему Отчету. Петропавловск-Камчатский, 1913.
2. Минченко Т.П. Религиозная жизнь Камчатки // Религия и право. 2003. № 3.
3. Громов П.В. Историко-статистическое описание камчатских церквей. Слова и речи. Петропавловск-Камчатский, 2000.
4. Нестор (Анисимов). Моя Камчатка. Петропавловск-Камчатский, 2003.
5. Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке // Морской сборник. СПб. 1864. № 4–8.
6. Стеллер В.Г. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999.
7. Труды православных миссий восточной Сибири. Иркутск, 1884. Т. 2.
8. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Л., 1935.
9. Вдовин И.С. Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1978.
10. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М., 1949.
11. Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.
12. Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке: Очерк II // Морской сборник. 1864. № 5.
13. Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке: Очерк IV // Морской сборник. 1864. № 7.
14. Синодский по Высочайшему повелению Закон Российской империи об учреждении особой Епархии из церквей в российско-американских поселениях и в других соседственных с ними областях // Религия и власть на Дальнем Востоке России. Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск, 2001.
15. Высочайше утвержденный Доклад Обер-прокурора Св. синода «О наименовании епископа новоучреждаемой архиерейской кафедры в Америке Алеутским и Аляскинским и о усвоении камчатскому епархиальному архиерею наименования Камчатского, Курильского и Благовещенского» // Религия и власть на Дальнем Востоке России. Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск, 2001.
16. Протокол заседания отделения этнографии от 13 февраля 1916 года // Известия Русского географического общества. 1916. Т. 52. Вып. X. Приложения.

В.И. Турнаев

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В КОНЦЕ 1720 – НАЧАЛЕ 1740 ГОДОВ

Томский государственный университет

Сюжеты, о которых пойдет речь, неоднократно описывались в научной литературе [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Однако возникавшие в связи с изучением других проблем, они не были предметом специального рассмотрения. Отсюда фрагментарность, неполнота, отсутствие необходимой акцентированности на теме, с которыми исследователи вопроса сталкива-

ются сегодня. Между тем проблема заслуживает, как представляется, отдельной постановки. Без нее невозможно понять, что произошло в русской науке в 40-е гг. XVIII в.

В первые двадцать лет существования Петербургской академии русские не играли той роли, какую играли иностранцы. Их влияние было слиш-

ком слабым, чтобы с ним считаться. К тому же правительственные круги, к которым русские в случае необходимости должны были обращаться, состояли также из иностранцев. Возможности для победы отечественного начала в русской науке таким образом практически не существовало. Однако русские сознавали абсурдность ситуации, в которой оказались, и как могли, пытались защитить свои интересы.

Первое проявление возмущения русских относится, по всей видимости, к началу 1728 г. 3 января служащие академической Типографии Григорий Васильев, Илья Иванов, Андрей Богданов, Максим Зариев, Герасим Иванов и Иван Гаврилов подали на имя императора челобитную, в которой жаловались на задержку жалованья и крайнюю материальную нужду [7, с. 343–344]. Этот факт не привлек бы внимания, если бы не два обстоятельства. Во-первых, он является *первым документальным свидетельством самостоятельного выступления русских*. Во-вторых, – и это главное – челобитная была подана в обход академического руководства. По всей видимости, академическая администрация не отнеслась к проблеме с пониманием. В том, что дело обстояло именно таким (или примерно таким) образом, убеждают свидетельства современников и очевидцев.

Вот что писали, например, в академическую Канцелярию переводчики И.И. Ильинский и И.С. Горлицкий (дело происходило в марте 1731 г.): «Мы и голодны, и холодны, и всем недостаточны, потому что пятнадцатый уже идет месяц, как жалованья не получаем». Между тем за 1730 год академическая «сумма из казны ... получена вся сполна» [8, с. 26]. Где затерялись деньги? Они пошли на выплату иностранцам, которым жалованье выдавалось в первую очередь.

К 1735 г. относится проект И.-А. Корфа об учреждении при Академии «семинария для малолетних» [8, с. 647–689]. Предложение не было случайным. Задачу обучать русских ставил перед Академией еще Пётр I. Однако после смерти императора минуло десять лет, а русских ученых так и не появилось. Администрацию Академии, состоявшую главным образом из иностранцев, видимо, подозревали в умышленном нежелании заниматься проблемой. Нынешняя инициатива Корфа должна была убедить сомневающихся, что о задаче, поставленной Петром I, помнят и даже идут дальше. За внешне безупречными действиями академического руководства скрывалась продуманная практика многолетнего ущемления прав русских.

Следы скрытого или явного противостояния русских и иностранцев можно обнаружить во многих фактах, которые хранит история Петербургской академии наук. Это и жалованье, которым были обой-

дены русские служащие; это и доступ к образованию, беспрепятственный для иностранцев (потому что преподавание в Академии велось на понятном для них языке), но затрудненный для русских, которым («ради учителей своих») прежде необходимо было овладеть соответствующим языком; это и возможность пробиться в большую науку. Призыв Петра учиться делу настоящим образом многими русскими был услышан, и они заранее позаботились о том, чтобы получить образование на Западе. Поэтому когда в Петербурге открылась Академия, ее администрация получила немало предложений от «природных» русских с просьбой предоставить им то или иное место на том основании, что они знают языки и имеют соответствующие (иностранные) дипломы [7, с. 136, 137, 156, 157, 174–175]. Однако даже тогда, когда Академия испытывала острый кадровый голод, возникали проблемы, которые приходилось преодолевать не один десяток лет: русские «не подходили», причем не только для занятий наукой, но и для преподавания. Именно такая туманная формулировка пускалась в ход всякий раз, когда необходимо было преградить путь русским. Что это именно так, что именно конкурентов опасались встретить иностранцы в лице русских, свидетельствует судьба Ивана Семёновича Горлицкого (1690–1770), старейшего русского служащего Академии, которого П.П. Пекарский называет «одним из первых русских адъюнктов» [9, с. 241], но который, однако, так никогда и не получил этого звания от иностранцев.

Выпускник Московской славяно-греко-латинской академии Горлицкий учился в Голландии и Франции, куда (вместе с другими шестьюдесятью учениками) был отправлен по прямому распоряжению Петра [10, с. 235–236]. По возвращении в Россию некоторое время служил у графа П.М. Апраксина, занимаясь исследовательской работой в области языкознания, результатом чего явились труды по грамматике французского и русского языков [9, с. 240–241; 11, с. 8]. О том, что автор был уверен в качестве выполняемой работы, свидетельствует тот факт, что грамматика французского языка, например, была преподнесена в качестве подарка с соответствующим сопроводительным письмом императрице Екатерине I [9, с. 241]. В Петербургской академии наук, куда Горлицкий был принят на должность переводчика, ему было поручено преподавание в Гимназии, где он работал бок о бок с Г.-В. Крафтом, И. Вейтбрехтом, Г.-Ф. Миллером и другими студентами-иностранцами, ставшими впоследствии адъюнктами и профессорами. Миллер, сообщивший об этом факте биографии Горлицкого, утверждал, однако, что тот «понятия не имел о правильной методе (*von nichts eine richtige Erkenntniss hatte*)» и что (видимо, вследствие

этого) «явился непригодным для преподавания» [12, с. 97].

Автор «Истории Академии наук» не разъясняет, что конкретно понималось тогда под «правильной методой», которая признавалась необходимой и которой, по его мнению, был лишен Горлицкий. Может быть, имелась в виду способность к исследовательской работе? Но тогда, если бы он ею не обладал, не написал бы тех работ, которые не стыдно было поднести императрице. Ибо для такого дела как раз и необходима была та самая пресловутая «правильная метода» – владение исследовательскими методами, – с помощью которой научные знания добываются. Может быть, это была принадлежность к определенной научной школе (например, германской, к которой не принадлежал русский исследователь, но к которой принадлежало большинство иностранцев, работавших в Петербургской академии) или приверженность определенному научному мировоззрению (например, картезианству, которого, по свидетельству того же Миллера, Горлицкий «набрался» в Париже)? Но в таком случае мы имеем дело с проявлением дискриминации – все равно по какому признаку – мировоззренческому или национальному. В любом случае результатом было отлучение ученого от научного сообщества.

В.К. Третьяковский рассказывает поучительную историю, имевшую место в 1733 г. Тогда Горлицкий просил о профессорской должности. Однако сработал механизм защиты интересов иностранцев – ученому было предложено пройти через процедуру экзамена в профессорском Собрании. Горлицкий отказался, сославшись на то, что его научная квалификация удостоверена «парижским свидетельством», и остался без должности [3, с. 99].

Конечно, профессорское Собрание вправе было убедиться в научной состоятельности соискателя – таков был порядок, принятый не только в Петербургской академии, но и в других европейских академиях и университетах. Однако обычно в таких случаях требовалось представление научных работ (которые характеризовали претендента как ученого). Здесь же, вопреки традиции, члены Собрания настаивали на экзамене. Почему? Не потому ли, что «срезать» опасного конкурента легче, поставив его под перекрестный огонь вопросов со стороны лиц, в успехе дела незаинтересованных?

Поведав о неудачной попытке соотечественника стать профессором, Третьяковский переходит к собственной персоне и сообщает новые любопытные подробности. Оказывается, он также хотел стать профессором и в 1743 г. вторично (!) подал соответствующее прошение. Причем (оглядываясь, видимо, на свой личный опыт и опыт незадачливого Горлицкого) ученый, по собственному признанию, готов был пройти через процедуру экзамена в

профессорском Собрании. Однако и на этот раз его подстерегала неудача. Третьяковскому отказали на том основании, что в Академии уже есть один профессор элоквенции (которым намеревался стать соискатель) – Я. Штелин [3, с. 97–98].

Дело здесь, конечно, не в отсутствии вакансий или штатном расписании, а в *нежелании иностранцев уступать свои места*. Горлицкий отказался экзаменоваться, «отговариваясь парижским свидетельством, – подводит итог размышлениям Третьяковский, – ...я к ним сам охотно шел (хотя ...также имею парижское свидетельство)... Однако *надо было загородить путь российскому человеку как-нибудь*: ибо кто к ним нейдет, того принимают, а кто идет, того всячески не хотят; но какой в сем ...вымысел, то всякому ясно видеть можно» [3, с. 99]. [Выделено мной. – В. Т.]. Ученый правильно истолковал поведение иностранцев.

Другой характерный факт – история с учреждением Российского собрания, научного подразделения, состоявшего (за небольшим исключением) из русских [5, с. 150–154]. Знаменательно время, в которое оно появилось, – 1735 год, самый расцвет бироновщины. Засилье немцев при русском дворе, в государственном аппарате, в армии, в науке вызвало повсеместное недовольство. Уже прогремело по стране дело князей Долгоруких и Голицыных, попытавшихся организовать заговор против иноземцев; на очереди было дело А.П. Волынского. В Академии боролись те же партии – русская и иностранная.

Патриотические мысли и настроения, крепнущие в определенной части русского общества, находили в Академии горячих сторонников. Русских академических служащих национальные проблемы касались, что называется, вживую: с проявлениями национальной дискриминации они сталкивались ежедневно. Уступкой патриотическим силам и была, по всей видимости, идея создания научного подразделения для русских. Предоставляя русским право иметь собственное Собрание, иностранцы рассчитывали снять остроту национальных противоречий и тем самым упрочить собственное господствующее положение. Представлять русскую науку в стране и за рубежом члены Российского собрания не могли, потому что не являлись членами Академии. А вот тешить свое ущемленное самолюбие – сколько угодно.

Новому научному подразделению был придан исключительно формальный характер. Надуманность сквозила уже в самом указе об учреждении Собрания. «Академии наук переводчикам, – говорилось в нем, – сходиться в академию два раза в неделю ... и иметь между собою конференцию, снося и прочитывая все, кто что перевел, и иметь тщание в исправлении российского языка в случаю»

щихся переводах» [8, с. 633]. Ясно, что серьезного значения такого рода «конференция» для науки иметь не могла. С другой стороны, спустя три года, для решения задач, которые были поставлены перед Российским собранием, было образовано специальное ведомство – Департамент переводчиков [13, с. 10].

В состав Собрания вошли восемь человек: переводчики И.И. Ильинский и И.С. Горлицкий, старейшие русские служащие Академии, работавшие над вопросами языкознания; переводчик И.-В. Паузе (или Паус), немец, занимавшийся изучением русского языка; не имевший определенных обязанностей («секретарь») В.К. Тредиаковский, наиболее видный представитель русской части Академии, которому академическое Собрание отказало в должности профессора; работавший над грамматикой русского языка адъюнкт математического класса В.Е. Адогуров и назначенный секретарем академической Канцелярии бывший служащий Коллегии иностранных дел С.С. Волчков. Еще двумя членами Собрания стали немцы М. Шванвиц, ректор немецкого класса академической Гимназии, и «русский» немец И.-К. Тауберт, унтер-библиотекарь Академии, которому поручено было вести протоколы. Позднее, 12 декабря 1735 г., И.-А. Корф введет в Собрание Ф. Эмме, обер-аудитора Юстиц-Коллегии, сочинявшего пьесы на русском языке и занимавшегося переводами.

Оставим в стороне, конечно же, не случайное появление в *Российском собрании немецких служащих* – они должны были стать противовесом русским; важнее другое. Отныне право на существование получало научное подразделение с подчеркнутым национальным названием – «Российское». Этого оказалось достаточно, чтобы забыть на время о национальной проблеме.

Начало работы Собрания с энтузиазмом было встречено общественностью. В первом заседании В.К. Тредиаковский произнес патриотическую речь [14, с. 9–15]. Российское собрание, формулировал он главную цель новоучрежденного подразделения, должно трудиться «к вящему прославлению Российского народа и его слова» [14, с. 9]. Позднее, в письме к Я. Штелину от 11 октября 1736 г., Тредиаковский уточнял: «Русское собрание ... учреждено ... не только для усовершенствования русского языка <...>, но также и для всего, что касается вообще истории нашего народа, также – чтобы написать грамматику, которой у нас нет до сих пор и которая должна основываться на лучшем употреблении <...>; наконец – чтобы составить полный словарь» [3, с. 54]. [Выделено мной. – В. Т.] Таким образом, границы, указанные Собранию академическим начальством, несанкционированно раздвигались, охватывая такие области русской культуры, которые

признавались национально значимыми. Не случайно на речь Тредиаковского откликнулся В.Н. Татищев, всегда живо реагировавший на значимые для Российского государства начинания [15, с. 221–230], а патриот М.В. Ломоносов неизменно отмечал «сердечное радение» членов Собрания к вопросам русской культуры и всегда относился к нему с подчеркнутым уважением [16, с. 17, 27, 74; 17, с. 9–18].

Однако наиболее значительным событием в описываемом ряду явился инцидент с московскими семинаристами, прибывшими в начале 1736 г. в Петербургскую академию для продолжения обучения [18]. Воспитанники одного из старейших учебных заведений России – Московской славяно-греко-латинской академии, они принесли с собой сильную струю национальной русской культуры, национальных традиций и национального духа, которые в стенах Петербургской академии, состоявшей по большей части из иностранцев, были особенно заметны. Не будет преувеличением сказать, что это была та молодая поросль, с которой Пётр Великий связывал будущее русской науки. М.В. Ломоносов, Н.И. Попов, Д.И. Виноградов, В.И. Лебедев, И.И. Голубцов, А.С. Барсов – имена этих людей нетрудно найти в истории российской науки. В Петербург они прибыли с мечтой о научной карьере.

И что же? Обрели они, как надеялись, путь в науку? В Петербурге их бросили на произвол судьбы.

Корф, которому принадлежала инициатива набора, надеялся с его помощью решить наболевшую проблему – поправить финансовое положение Академии. Правительство отказало Корфу, и Академия вынуждена была взять оплату обучения русских студентов на себя. Учитывая, что Академия сама находилась в стесненных обстоятельствах, новые расходы легли на нее дополнительным бременем. Академическая администрация, разумеется, не была довольна сложившейся ситуацией и смотрела на москвичей как на обузу. Студенты, со своей стороны, также не жаловали академическую администрацию, усматривая в ее действиях недобрый умысел.

В октябре 1736 г. Яков Виноградов, Василий Лебедев, Иван Голубцов, Александр Чадов, Прокофий Шишкарев, Семён Старков, Михаил Коврин, Никита Попов и Алексей Барсов обратились в Сенат с жалобой, в которой сообщали, что с начала пребывания в Академии остаются «как без учения, так и без определения» и что «в великую пришли нужду и убожество» [19, с. 212–213]. Извещая правительство о том, что они «не только верхнего, но и нижнего» не имеют «платы», студенты требовали «учинить» по ним «определение» или «к иному определить званию», «взяв» их «от оной академии». Здесь же, уверяли они, «мы ... как в пище, так и к содержа-

нию нашему в принадлежащих вещах немалую претерпеваем нужду, которой ради притчины нам никоим образом учиться не можно» [19, с. 213]. Таким образом, с момента прибытия в Петербург прошел почти год, а обучение так и не началось, и студенты готовы были покинуть Академию.

Событие заставило академическое руководство изрядно понервничать. Стали наводить справки, каков был учебный план и что студенты успели изучить. 15 ноября Адодуров доложил в Канцелярию, что учитель Х. Герман отказался учить москвичей немецкому языку – единственное, что им преподавалось в Академии – еще в октябре месяце, ссылаясь на то, «что ему вместо прежней палаты ... отведена другая» [19, с. 238]. 16 ноября Байер передал в Канцелярию результаты новой, персональной аттестации. Из десяти семинаристов (всего их было 12; двое из них – М. Ломоносов и Д. Виноградов – по прибытии в Петербург были отправлены на учебу в Германию) положительно оценены были двое – П. Шишкарев и В. Лебедев; остальные были признаны непригодными к обучению. «Ежели бы лучшим из них год-другой в гимназии поучиться, – докладывал профессор, – то б они академические лекции свободно слушать и впредь своему отечеству большую пользу принести могли» [19, с. 240]. Самым удивительным было то, что в числе «непригодных» оказался будущий академик Н.И. Попов, о котором было сказано, что он «с природы туп и к наукам неспособен» [19, с. 239].

Читая отзыв знаменитого ориенталиста, невольно вспоминаешь свидетельство К.-Ф. Шеслера, архитектора, работавшего в Академии в одно время с Байером и хорошо знавшего ученого. Шеслер, в частности, утверждал, что как директор Байер «более вредил, нежели поспешествовал» развитию академической Гимназии (в которой обучались после прибытия в Петербург московские студенты). Во-первых, профессор не был «охотник до математических наук», в которых ничего не смыслил, но которые, по мнению Шеслера, должны составлять фундамент образования. Во-вторых, – и это главное – сам будучи гуманитарием, он и в Гимназию набрал гуманитариев – «неискусных людей», от которых было мало проку. «... А из того явно усмотреть можно, – заключал архитектор, – для чего в 12 лет никаких достойных учеников не имеется<...>; и хотя ...некоторые искусные люди бывали, которые ...пользу учинить могли б, то чинил он не токмо таким людям лукавым образом всякие противности, но и старался, как бы таких людей от службы отбыть» [8, с. 76–77]. [Выделено мной. – В. Т.].

Таким образом, ни возможности учиться (лекции им не читались), ни возможности покинуть Академию (этого не позволял сделать соответствующий сенатский указ), ни возможности устроиться

каким-либо иным способом у московских семинаристов не было. Оставались нужда и озлобление против немцев, в которых они стали видеть главных виновников своих злоключений. Студенты решились идти до конца.

16 ноября они донесли в Сенат о «неправде» расходов, которые якобы были произведены на их содержание [19, с. 240–241]. Сообщаемые факты отличались точностью и конкретностью. В тот же день Сенат принял решение: «О семинаристах в академии освидетельствовать эзекутору Баскакову, что было на них куплено и нет ли в тех покупках им обиды? И, рассмотря, доложить» [19, с. 242]. В воздухе запахло грозой.

Вызывающее поведение студентов, окончательно вышедших из повиновения, и в особенности их визиты в Сенат побудили шефа академической Канцелярии к решительным действиям. 17 ноября он распорядился примерно наказать зачинщиков (каковыми, по его мнению, являлись Шишкарев и Чадов). «При собрании всех учеников» студентов высекли батогами [17, с. 274; 1, с. 26]. «За обольщение правительствующего Сената» и за другие «самовольные, предерзостные, без ведома академии учиненные поступки», как было записано в документе [19, с. 242–244]. Адьюнкту Адодурову было приказано строже следить за поведением семинаристов [19, с. 244–245].

Однако 19 ноября Шумахер был вызван в Сенат, где ему, по свидетельству того же М.В. Ломоносова, был «учинен ... чувствительный выговор с угрозами штрафа» [17, с. 274]. Оправдываясь, шеф академической Канцелярии уверял сенаторов, что «никаких жалоб и требований в академии от них, учеников, не было, а ежели б было что предложено, то б и без утруждения оные недостатки все отвращены были» [19, с. 249]. Затем настал черед М. Фельтена. Эконом каялся и просил его «от содержания тех школьников» уволить [19, с. 248].

Шеслер утверждал, что в Академии действует отлаженная система хищений, покрываемая академическим начальством. По признанию архитектора, он неоднократно «репортовал» о существующих хищениях, и однажды даже президент «хотел приказать оные показанные и еще протчие обманы накрепчайше изследовать». Однако «один человек, от которого та академия разорена, завсегда имел (умел. – В.Т.) искусным образом предостерегать, что хотя и многие при той академии (до Корфа, который теперь столкнулся с проблемой. – В.Т.) о таких обманщиках ведали и оных долгое время знавали, а, однако ж, до их ничего не касалось (то есть их разоблачения не коснулись. – В.Т.), но в прежних своих чинах остались».

Человек, «от которого ... академия разорена», – это, конечно же, Шумахер – давний и бессменный

шеф академической Канцелярии. Фельтен был родственником Шумахера. Знал ли Шеслер об этом факте? Если бы знал, его размышления о причинах неблагополучия самой богатой и самой щедро финансируемой академии Европы наверняка обрели бы иную тональность. Московские семинаристы таким образом обнаружили лишь вершину айсберга, скрывавшегося в мутных водах новой для них академической жизни.

Вмешательство Сената, пригрозившего штрафами, видимо, отрезвило академическое руководство, и дело обучения русских студентов, хотя и медленно, начало сдвигаться с мертвой точки. 23 ноября, следуя совету Байера, Шумахер распорядился направить семинаристов в Гимназию с тем, чтобы готовить их «к слушанию профессорских лекций» [19, с. 258]. Еще раньше, 20 ноября, готовность возобновить занятия с русскими студентами выразил Герман [19, с. 257]. Наконец, слушатели были распределены по классам, и занятия начались. Кажется, конфликт был исчерпан.

Однако радость москвичей оказалась преждевременной, скоро все вернулось на круги своя. Жалобы возобновились. Уже 15 декабря студенты Я. Несмеянов, В. Лебедев и П. Шишкарев сообщили в Канцелярию, что не имеют книг и других вещей, необходимых в учебе [19, с. 289–290]. Администрация оставалась безучастной, и спустя неделю москвичи организовали забастовку. Адодурову, хлопотавшему о нуждах учащихся по должности, шеф академической Канцелярии заявил, чтобы он «сам о том представлял правительствующему Сенату» [19, с. 293]. Напрасно адъюнкт убеждал начальника, что он состоит «в действительной команде академии наук» и к «смотрению» «над учениками определен ...от той же академии, а не от правительствующего Сената» [19, с. 293]; Шумахер предпочитал заниматься проблемами родственника. 23 декабря он приказал студентам подать «справки», сколько своих личных денег потратил на каждого из них эконом Фельтен, чтобы потребовать их возмещения у Сената [19, с. 295]. Адодурову же было заявлено: раз сенаторы приказали ему опекать русских студентов, то пусть к ним за помощью и обращается [19, с. 296]. Желая подчеркнуть окончательность решения, Шумахер взял с возмущившегося куратора подписку, что он выполнит распоряжение Канцелярии [19, с. 297]. Дело обучения русских студентов оказалось таким образом окончательно загубленным.

Конечно, устраниться совсем от участия в деле подготовки русских студентов Шумахер и поддерживавшие его иностранцы не могли – действовал

специальный сенатский указ, который следовало выполнять. Однако они сделали все возможное, чтобы его саботировать или, по меньшей мере, выполнить плохо. Очень скоро русские студенты были «оставлены без призрения» [17, с. 274]. В результате «готовый стол и квартира пресекались», студенты оказались «в подлости» [17, с. 274]. «В самой крайней находимся нужде, так что не только платья и обуви, но и дневной не имеем пищи», подобного рода заявления рефреном повторяются в академических документах [19, с. 381, 382, 398, 553–554, 625–626, 651–652, 704, 730–732, 744–745, 841, 843–844; 20, с. 4, 23, 344, 445–446]. Бессильный что-либо изменить в положении подопечных, уставший от безрезультатных хождений между Сенатом и академической Канцелярией В.Е. Адодуров в апреле 1737 г. стал просить об освобождении его от кураторства и в ноябре того же года добился своего [19, с. 381, 502–503, 522]. Студенты лишились последней защиты.

Претерпевая «крайнюю скудость», они, по свидетельству того же Адодурова, «принуждены были свое учение по большей части оставить» [19, с. 398] или учиться так, как позволяли обстоятельства. Неудивительно поэтому, что недовольство Шумахером и другими «академическими немцами» росло и время от времени прорывалось наружу. Однако никогда уже, вплоть до 1742 г., оно не достигало такого масштаба и остроты, как в ноябре–декабре 1736 г.

Так окончилась наиболее значительная попытка русских защитить свои права. Разумеется, она не была направлена против иностранцев вообще и уж тем более не имела целью освобождение Академии от «иностранный засилья». Такой задачи ее участники перед собой не ставили и ставить не могли. Однако логика событий подталкивала именно к такому выводу. Иностранцы в Академии, опирающиеся на иностранцев при дворе, не станут заботиться о русской науке и готовить себе замену своими руками.

В событиях ноября–декабря 1736 г. впервые проявилось национальное самосознание, ставшее характерной чертой движения 1742–1743 гг.

Такова история борьбы русских за свои права в Петербургской академии наук первых пятнадцати лет ее существования. Она, как видим, не богата фактами. Тем не менее можно сделать вывод, что, несмотря на отсутствие русских профессоров, в Академии имелись силы, готовые и способные бороться за национальные интересы. Этой силой были русские «низы» – переводчики, студенты, служащие палат и другие. Именно их мы увидим в числе тех, кто включился в борьбу с иностранным засильем в 1742–1743 гг.

Источники и литература

1. Пекарский П.П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов // Записки Императорской академии наук. СПб., 1867. Т. XII. Приложение № 5.
2. Пекарский П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. Академия наук в 1725–1742 годах. Жизнеописание президентов и основ Академии наук. СПб., 1870.
3. Пекарский П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 2. Управление Академии наук и состояние ее в 1742–1766 годах. Жизнеописание. СПб., 1873.
4. Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962.
5. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.
6. Невская Н.И. Никита Иванович Попов. 1720–1782. Л., 1977.
7. Материалы для истории Императорской академии наук (далее – Материалы). СПб., 1885. Т. 1.
8. Материалы .... СПб., 1886. Т. 2.
9. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. Т. 1.
10. Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
11. Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М., 1975.
12. Материалы ... СПб., 1890. Т. 6.
13. Кобленц И.Н. Андрей Иванович Богданов (1692–1766). Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М., 1958.
14. Куник А.А. Сборник материалов для истории Императорской академии наук в XVIII веке. СПб., 1865. Ч. 1.
15. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990.
16. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 7.
17. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10.
18. Белокуров С.А. Об отправлении учеников Славяно-греко-латинской академии, в том числе и Ломоносова, из Москвы в С.-Петербург 1735 г. // Ломоносовский сборник. 1711–1911. СПб., 1911.
19. Материалы ... СПб., 1886. Т. 3.
20. Материалы ... СПб., 1887. Т. 4.

А.И. Османов

КУПЕЧЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Обращение к вопросу о развитии экономического («коммерческого») образования в дореволюционной России подразумевает изучение роли купечества в этом процессе как один из наиболее сложных периодов отечественной истории во второй половине XIX – начале XX вв. Мнение промышленников и торговцев о содержании и основных направлениях развития специального образования самым тесным образом пересекалось с их деловыми интересами, с одной стороны, и взглядами на место и роль общей образовательной подготовки детей из купеческих семей – с другой. В связи с этим обратимся к истории складывания коммерческого образования в Петербурге, представлявшем собой крупнейший деловой центр Российской империи.

Подъем деловой активности в северной столице, сопровождавший правительственную полити-

ку реформ в период царствования Александра II, вызвал среди предпринимателей повышенный интерес к коммерческому образованию. В этих условиях столичная купеческая управа стала уделять пристальное внимание повышению образовательного уровня подрастающего поколения. Особое значение столичные купцы придавали развитию сети торговых школ и училищ как базе для последующего повышения хозяйственной квалификации предпринимателей. Значимость этой проблемы не вызвала сомнений у видных деятелей петербургского делового мира. Например, глава столичной купеческой управы И.С. Крючков полагал, что «к стыду к нашему до сих пор что-то не видно, чтобы наша купеческая молодежь пробовала пробивать себе дорогу на новых торговых путях, а где-то застревает или в редких случаях у папаши за прилавком, а в большинс-